АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

СТИХИ

Я ВАМ ПРОЧТУ

РИФМА
Издательство имени Ирины Яссен
ПАРИЖ
1963

АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

СТИХИ

Я ВАМ ПРОЧТУ

РИФМА
Издательство имени Ирины Яссен
ПАРИЖ
1963

Звонок встревожил: — «Слушаю, алло!
Кто говорит? -- Что? — Снегом замело?..
Откуда голос?.. Не могу понять!»
Отбой и гул. Молчание опять.

На станции, в каком-то захолустье
Светилась ночь невыразимой грустью,
Утихла буря и раскрылся свод,
Но поезд не пришел и не придет.

Спит крепким сном смотритель станционный,
Вокруг сугробы, каркают вороны,
Не уцелеть от холода и тьмы —
Погибло все селенье от чумы.

Еще дымок идет с какой-то крыши —
Перед концом немного жизнь подышит,
Но у поэта образ оживет --
Воскреснут души и растает лед,

Знакомый поезд весело промчится
И снова — жизнь, везде живые лица...

Благодарю за весточку оттуда,
Где Пушкин и слова его, как чудо.

О, если б жизнь нагнать, поймать как птицу
И пленницей держать,
О, если б счастью бесконечно длиться
И снова все начать!

Страна моя врата бы нам раскрыла —
Как душу — в два крыла;
О, если б не было того, что было —
Ни гибели, ни зла.

И если б Ты прислал за мной сегодня,
Скажу: Спаситель мой,
Свети в день радостный, в день новогодний,
Рождественской звездой.

О том же самом говорят,
Все повторяется годами,
И двор метут все дни подряд,
А снова мусор перед нами.

Чего в нем только не найдешь —
Письмо, билет от лотереи
(Он проигрышный, ну так что ж!)
И хвостики от лук-порея.

Все хлам, но это лишь на глаз,
Там грусть потери неизбежной
И чувств сокрытых пересказ —
Цветок распластанный и нежный.

Таков и мир как этот двор,
Где жизни каждый вздох отмечен:
Порыв души и мелкий сор...
О том же самом, вечно, вечно.

Здесь на старенькой открытке конка,
Снег на крышах, снегом все полно.
Я не помню, я была ребенком
И в стране другой живу давно.

Но у сердца память не простая
И для сердца все осталось там.
Я теперь сама себе чужая,
Я теперь без имени — Madame.

Платят мне за труд французским хлебом,
По-французски только говорю.
На открытке тут кусочек неба...
Но по-русски я тебя люблю.

Кто-то злословит, кого-то бранит —
Ты бы не слушало, нежное ушко!
Мало ли что там вещает кукушка?.
Где-то у берега стынет гранит.

Слезы морские стекают с него,
Плачет, в тумане скрывает он горе.
Плачет о нем синеокое море
И не умеет сказать ничего.

Не верь любви и слову «навсегда»,
Все переменчиво, изменчиво, случайно,
От искры не останется следа,
Воспоминанье — звук печальный.

Как наше сердце больно предает —
Полюбит, ослепит, и оторвется
И чувства восхитительный полет
Кудрявой тучкой в небе пронесется.

Несется облако, несутся мысли мимо...
Как легкий дым, любовь неуловима.
Уходит день. Готовится обед.
Не все ль равно, что света больше нет?

Ах, света? — электричества, конечно!
Забыли масло! Докучают вечно!..
А сердце — как затравленный зверек,
И ветер треплет шелковый платок.

Для влюбленных — сладостное: «милый»,
Другу ближе слово «дорогой»,
А для сердца — все слова постылы,
Только звук проносится волной.

Просияет солнце дивным светом
И расстает в жалости земной,
А потом — годами ждать ответа,
Слушать чей-то кашель за стеной.

ВЕСЕННИЕ СНИМКИ

1

Разбежались мысли, маленькие гномы, —
Надоело в клетке, засиделись дома!
Сердце бьет тревогу, голова пустая,
День шумит без толку — это признак мая,
Кровь бежит по венам легче, веселее
И Любовь с Надеждой шепчутся в алее.

2

Я тепло встречаю словно друга,
Греюсь, отдыхаю и люблю
Этот распустившийся цветочек
И старушку-кофточку мою.

Воробьи и голуби на крыше
Зашумели праздником весны,
И сегодня до последней травки
Все без исключенья влюблены.

К облакам деревья льнут верхушкой,
Облака уносят горький дым.
Почему смотреть приятно выше,
Почему все кажется другим?

Муха, земляной червяк... Улитка
Скользкая, слюнявая, ползет.
По дорожке я пойду за нею,
Провожу как гостью до ворот.

3

Этим морем на простой открытке
Я живу, я крепну, я дышу.
К небесам обыкновенной ниткой
Розовое облачко пришью.

Я могу рукой его потрогать
И на крыльях прилететь на зов,
Подарить тебе могу немного
Ласковых и добрых слов.

4

Лебедь, белый, фарфоровый, хрупкий,
Лебединая нежность моя.
Солнце светит оранжевой юбкой,
Дышит небо, дышу и я.

Воздух теплый, сияющий, звонкий,
Мечет искорки птичий глазок,
А подснежник соломинкой тонкой
Опьяняющий тянет сок.

Поцелуи, звонки телефона,
Скачет пульс (на окне — воробей),
Ярко-красные анемоны
Словно маки с русских полей.

Догоняют друг друга стрелки:
Как мучительно встречи ждать!
Бьются часики дробью мелкой —
Скоро, скоро, минут через пять...

На скамейке, в лесу, на поляне
Ты и я, только я и ты,
Это жизнь на невидимом плане,
Где-то, как-то, из пустоты...

Мира нет. Только я и ты.

Благодарю Тебя за теплую постель
И эту комнату и хлеб насущный,
За милую дневную канитель
И скромный стих, душе моей послушный.

За каждый взгляд, улыбку и привет,
За огонек, мигающий в окошке
И этот детский бархатный берет
И крошечные туфельки на ножках.

Благодарю за звезды, за слова,
За синий цвет и где-то берег южный,
Благодарю, что я еще жива,
Хотя, быть может, это и не нужно.

Какой-то вздор переживают души —
Какая важность новый абажур !
А едкий дым в окно летит и душит
И я как тень по комнате брожу,

Не находя желанного покоя,
Стихи пишу и подметаю пол.
Идут дожди. Ручьи текут рекою,
Незваный гость на огонек пришел.

Что делать с ним? Я буду только слушать —
О Боже, как мучительно вдвоем!
А у него вдруг вырастают уши
И лапа тянется за сухарем.

Настало утро. Дождь не прекратился
И сыплет, сыплет капельки в окно.
Как будто ветер за ночь утомился...
О чем пишу? Не все ли мне равно!

Ирине Одоевцевой

Цветок на небо загляделся
И тонет в золотых лучах,
А легкий ветер разлетелся —
Какой простор на небесах!

И лепесток слетел от счастья,
Без памяти летит другой,
Так распылился весь на части
Цветок небесно-голубой.

Летний вечер. Вокзал. Огоньки.
Под мостом поезда, гудки.
Спуск по лестнице, крытый перрон.
— Вы куда? — На дачу, в Медон.
Там в прихожей стоит сундук,
Там живет приветливый друг,
Там невидимых много чудес —
Засыпает и грезит лес,
Лукоморье, ученый кот...
Тихо. Слышу как полночь бьет.
Осветила окно луна,
И тревожна, и влюблена
В куст сирени иль в юный клен,
Он в сиянии, он влюблен.
Сердце лунное, лунный сон...
-- Вы куда? -- На дачу, в Медон.

Прошлое нахлынуло волной
Светлой, легкокрылой и певучей.
Дом стоит холодный и пустой,
Кусть разросся темный и колючий.

Ничего сберечь нам не дано.
Был приют, казалось, очень скромный,
Милый друг, вы помните ль? Я помню
К звездам устремленное окно.

Все равно, что будет впереди.
Теплый луч стучит в стекло слепое.
Никого. Уехали. Не жди.
О, как грустно может быть весною!

Пожить бы мне спокойно, просто,
Без огорчений и забот,
Без мысли напряженно-острой,
Как глупый человек живет.

Пить по утру душистый кофе,
Бродить в халате, ждать письма,
Смотреть в два зеркала на профиль,
Довольной быть собой весьма,

А лето проводить на даче,
Готовить уголок себе,
Не слышать как ребенок плачет,
Не думать о чужой судьбе...

Нет, не хочу! Ах, нет, не надо!
Мне неприятен образ тот,
Я лучше обойдусь без сада,
Где все так благостно цветет.

Ю. Терапиано

М У З А

Ей этот мир и мал и тесен,
Она бесчувственна на зов.
Навеет сон, разбудит песней,
Затопит ливнем лучших слов.

Пришла и надо мною встала,
Не отходила до зари,
Меня душила покрывалом,
Шептала мне: «умри, умри!»

И вдруг у ног легла прибоем,
Вся в кружевах морской волны:
— «Мы снова встретимся с тобою
И будем вновь разлучены».

Нежданно прибыла в карете
И длинным шлейфом шелестит —
Нет большей радости на свете,
Чем этот царственный визит.

Не с дудочкой приходит Муза,
А надвигается грозой,
И с ней не заключить союза,
Не удержать ее мольбой.

В квадратике, прибитая гвоздем,
Живу, терплю, а надо мною — дом.
Вокруг построены дома другие,
И место есть, и улицы большие,
А мне ни повернуться, ни вздохнуть
И я жива как будто бы чуть-чуть.
Стучит, стучит в груди мой молоточек,
Вбивает гвоздик жизни все короче.
Прекрасен мир небесный и земной —
Там где-то звезды светят надо мной,
Там где-то солнце день согреет.
Не все ль равно! Дожить бы мне скорее!
Печали и терпенью есть предел.
Квадратик мой всю душу мне заел.

Маляр

Повис маляр в окне открытом
И машет кистью на лету,
А в небе золото разлито,
И божий ангел на посту

Стоит — и ветер унимает,
Пригладит злую прядь волос —
Работа трудная земная,
Недолго до беды и слез!

Судьбой и кисточкой играет
Маляр — ему семнадцать лет,
Он все за краску принимает
И любит белоснежный цвет:

Белила, ландыш, и пригожий
При свете, новенький халат —
Его душа, быть может, тоже
Так ослепительно бела.

Булочник

Печет хлеба дебелые, с румянцем,
Их любит нежно, как родную мать,
Он друг людей и даже иностранцев
Умеет русским духом понимать.

Он славится своей женой и булкой,
Судьба его быть белым королем,
Поклоны принимает на прогулке
И светится серебряным рублем.

Пылают печи равномерным жаром,
Мука, мука, как вечные пески,
Лежит в пустыне огненной Сахары,
А жизни нет без хлеба и муки.

Швея

Швея с утра покорно шьет
И столбиками петли мечет.
Который день, который год
Болят ее спина и плечи?

В окно все так же пыль летит,
И сердце утомленно бьется —
За ниточкой итти, итти,
Пока она не оборвется.

Фотограф

Он маг, он фокусник еще вдобавок
И Дон-Жуан, большой любитель дам,
Прилизанный, хитросердечно сладок
И любит деньги прибирать к рукам.

Нырнет как в омут, сдвинув покрывало,
Разденет наглым взглядом догола,
А девушка, в обмен ему, бывало,
Любовь подарит своего тепла.

Любовь и деньги — это все что надо,
Любовь, как мед, сладчайшее из вин,
Любовь — благоухающий жасмин,
А деньги — верная порука ада.

Портной

Кроит, кроит и помечает мелом,
Рубцы повсюду вдоль и поперек,
Распластано растерзанное тело,
Холодный свет бросает потолок.
И освещает согнутую спину
И розовые руки палача —
Он души размеряет по аршину
И жизнь его отмерена сплеча.

Сапожник

С утра сидит за сапогами,
Стучит по коже молотком,
Все пальцы исколол гвоздями
И сердце проколол гвоздем.

Оно болело и мешало,
Будило стуком по ночам,
Но беспокоить перестало
И применилось к сапогам.

Земля измята каблуками,
Повсюду отпечаток ног
И все измерено шагами —
Весь мир как будто для сапог.

Хлеб

Он беленький, улегся на тарелке,
Был свежим, но совсем засох,
Попал в такие переделки,
Что отдал свой последний вздох.

Сухой иль мягкий, он всегда желанный,
Он — золото, он — драгоценный дар,
Какой бы ни был многогранный,
В печи проходит сквозь пожар.

Портной, маляр, сапожный мастер
Свой труд несут лишь для того,
Чтоб хлеб иметь, а в день ненастья
Творят молитву за него.

Россию получаю по кусочкам
Фильмованною лентой, на часок:
Вот русская — и розовая щечка,
Вот русский — и молоденький лесок.

Таким он был, покорно-молчаливым
Как воздух и цветочек голубой,
И кажется, что нет с тобой разрыва,
Что ты близка, к тебе подать рукой.

Мальчишка пробегает по дорожке,
По лужам шлепает. Поля кругом.
И мне за ним пройтись бы хоть немножко,
Ногой ступить на русский чернозем.

Луна, луна, опять луна!
Когда умру, придет она,
Посветит равнодушно взглядом.
Два мертвеца, мы ляжем рядом...
Иди, войди в мое окно,
Пока еще мне жить дано.
Подруга старая, слепая,
Лучи как руки простирая,
Идет по саду в платье белом,
Ночных теней касаясь смело,
Скользит, плывет — и вот она!
Высокомерна, холодна,
Бросает блики на предметы,
Дыханье ищет: где ты, где ты?
Ложится на мою кровать —
Не шелохнуться мне, не встать.
За нею целый мир незримый,
Неведомый, непостижимый
Волнующих невнятных снов,
Мир из бесчисленных миров,
Погибший в лета без возврата...
Быть может, он царил когда-то
На высоте других небес?
С ней память гордая чудес...

Какая ночь! Не буду спать я,
Мне сердце жгут ее объятья,
Я с ней на смерть обречена.
Луна, луна, опять луна!

Плачу над людьми и над собою,
Плачу с бурно хлынувшим дождем,
Плачу безответною слезою
С одичалым и голодным псом...

Стынут слезы на чужих ресницах,
Капают по крашеным щекам,
Я гляжу, запоминая лица,
И гадать умею по глазам.

Ночи напролет не сплю и слышу
Как вода стекает по трубе,
Как, поднявшись, всхлипывает выше
И течет, покорная судьбе.

Меня как Лейлу задушили
Подушками во сне,
Я не сопротивлялась силе,
Несущей гибель мне.

Проснулась. Господи, за что же?
Пусть даже это сон,
Но кто мне разгадать поможет,
Что предвещает он?

Подушечка под головою
Невинна и бела,
Своей оборкой кружевною
Она мне щеки жгла.

Памяти Н. Г. Львовой

На что мне дыханье и тело и сердце живое?
Я камню подобна, который лежит на пути.
Ее не вернуть ни любовью, ни скорбью земною,
Ее не узнать и в мире ином не найти.

А день, как ребенок, плаксив, безучастен и жалок,
Разлука-любовь, как потерянный жемчуг в пыли —
Мгновенье и вечность с лучами заката сплелись
И с шорохом крыл куда-то стремившихся галок.

Вечером снова молюсь я о здравии:
Господи Боже, молитву прими!
А под окном чья-то поступь по гравию,
Искра упала, окурок дымит.

Тянется ночь нестерпимо мучительно,
В комнате душно, тесно, темно.
Автомобиль пролетел ослепительный,
Бросил на пол золотое пятно.

Борису Пастернаку

Твоя душа с моей сливалась чудом,
Слова и слезы падали на лист,
А голос креп и звон летел оттуда,
Был свет звезды печален и лучист.

Святая ночь над временем спустилась,
Шаги, как ветер, вольны и легки.
Земля и небо посылали милость,
Алмазами горели светляки.

Не знаю, наяву иль в сновиденье
Иду в толпе по снежному пути,
Чтобы с другими преклонить колени
И благодать до сердца донести.

Она на свет не поднимала очи,
В тени печаль от дерзких берегла
И слезы проливала дни и ночи
О том что муке не осилить зла.

Лицо твое сурово, Палестина:
Измена, кровь отмечены судьбой.
Молись и плачь, Мария Магдалина,
О камень бейся и шуми, прибой.

Но час настал. И ниц упала стража.
Разверзлось небо. Грозно и светло.
Любовь твоя сама тебе расскажет,
Каким сияньем сердце обожгло.

Если б я верил сам хоть чему-нибудь
из того что теперь написал...
"Записки из подполья"

Мне снился сон: стоит открытый гроб —
Бородка жидкая, высокий лоб;
Свеча горит, тревожно полыхая,
И в белом платье девочка слепая
Как будто светит мертвенным зрачком,
И лунный свет расходится кругом.
Он спит, он мертв, и камень гробовой
Откинут был таинственной рукой,
Но тяжесть всюду он влачил с собою.
Томимый жаждой, изнемог от зноя,
Страстей и мук без меры, без конца
Следы не стерлись с мертвого лица.
Властитель душ, он гений, он учитель,
Мятежный дух иль ангел-утешитель?
И слышу голос я из пустоты:
— «Из гроба встань! Скажи, что видишь ты,
Вернись и снова посмотри на землю,
Твоим словам благоговейно внемлют —
Земную славу о себе измерь, —
Что ведал ты, чем умудрен теперь?»
Свеча лучи как солнце разметала
И сотнями огней светиться стала;
Гляжу на гроб, а он стоит пустой
И кто-то дышит за моей спиной.
Как призрак он, неуловимый, странный,
Какой-то, может быть, заблудший страниик?

О чем-то шепчет, прячется от глаз,
Невнятен горестный его рассказ,
Клокочут слезы, дрожь и кашель:
— «Обман, обман! Как скудны души наши,
Все эти речи и посмертный шум,
Отравой медленной питавший ум.
Земные, падшие, мы просим Бога:
О Боже! гордость не суди так строго...»
Свеча погасла. Девочка бледна:
Она — иль дым у темного окна?
Она ли плачет или дождик льется?
И ветер бешено о стекла бьется,
Как судорога, пена на губах...
Он спит, он мертв, и скорбь в его чертах.

ПАМЯТЬ

Услышать песню русскую метели,
Утешить сердце голосом родным.
Тогда любить еще мы не умели,
Тогда наш мир был малым и своим.

Казался он веселым и светящим,
Как мячик прыгал, лодочку пускал,
Но пассажирский поезд уходящий
Разрушил мир и призрачный вокзал,

И мир теперь безрадостный, огромный,
В чужой стране, суровый и пустой.
Был горек дым, тревожен шум вагонный —
Его повсюду слышу за собой.

Моему мужу

«ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ» ЧАЙКОВСКОГО

Где-то там, в покинутой даче
Чья-то память бредит во сне,
Где-то снова диезы плачут
По любви и, быть может, по мне.

Тень души — мое отраженье
Покачнется веткой в саду,
Ветерок пролетит с волненьем —
Я с тобой, я тебя найду.

Мир так мал, в этом мире тесном
Все дороги сойдутся вновь.
Мы вернемся к «Осенней песне»
Потому что она — любовь.

Розы расцветали, увядали,
День согбенным нищим уходил,
Сердце нажимало на педали,
Выбивались клавиши из сил.

Но осталась песня недопетой
На растерзанной странице нот,
И опять прошло другое лето —
Календарь как роза опадет.

РОЖДЕСТВО

1

Мы встретились как будто бы опять,
Но мне, быть может, память изменила,
Иль сон и явь нельзя разъединять
И в этом есть таинственная сила?

Минута каждая, неведомым полна,
Сплетает сеть в безвременном пространстве
И крепче жизни и тесней она —
Скитальцы мы непостижимых странствий.

Вновь Рождество и елка и звезда
Мне милостиво шлют благословенье,
И чудо возвращается сюда.
— Принять как дар, поверить сновиденьям

Случайной радости, пока легко
И сахарное сердце не растает,
Пока еще до грусти далеко
И жизнь — как эта нитка золотая.

2

Цветок, сорвав, поставили в стакан.
Он жить хотел и долго он крепился,

Теплу лучей доверчиво открылся.
Завял цветок — короткий срок был дан.

Гляжу на двор, на каменную крышу:
Спустился голубь, шелестя крылом,
И крошки собирает под окном —
Как он торопится и быстро дышит!

А день прошел как будто бы простой,
Но где-то в сердце Богом он отмечен;
Лиловым бархатом обнимет вечер,
Висит на елке шарик золотой.

3

Опали зеленые иглы,
И елку бросили в печь.
Деревья уже остригли,
Влюбленные ищут встреч.

Любовь — простая удача...
Что мне до любви чужой,
Когда навсегда утрачен
Приют на земле родной?

И только виденьем хрупким
Он в памяти отражен —
Снегурочка в белой шубке.
Кремля колокольный звон.

LE PETIT TRIANON

1

Я веточку сорву у королевы в парке,
Она давно мертва и сад ее пустой.
Сегодня день томительный и жаркий,
Сегодня с памятью я связана чужой.

Вокруг толпа шумит, звенят монеты,
Слова бессильны, некому сказать,
Что здесь душа Марии Антуанеты
И что нельзя покоя нарушать.

Бледны шелка, поблекла позолота.
Как безучастна память и бедна...
Сейчас закроют царские ворота
И станет королевой тишина.

2

Покоя нет. Давно, давно,
Она веками ждет забвенья,
Ей память сберегла одно
Неповторимое виденье:

Позор, удары и плевки,
И в кровь израненное тело —

Как эти образы близки! —
И рев толпы осатанелой.

А все как встарь: настала ночь
И спит земля под небесами,
Но эту боль не превозмочь
И не омыть ее слезами.

Забытый дом, лужайка, пруд,
Всех призраков любовь бледнее,
Последней нищенки беднее...
Века прошли, века пройдут.

3

Спи, голубка, в комнате теплее
Если в небе звездочка горит,
Спи, голубка, липа зеленеет,
Я с тобой останусь до зари.

Спи спокойно. Странницей убогой
Не стучись в затворенную дверь:
Нет возврата, упокойся в Боге
И земному счастию не верь.

Ночь светла, как шелк твои ресницы,
Миновала лютая беда,
Очень больно с высоты разбиться —
Ласточка упала из гнезда.

Легкий ветер шелестит ветвями,
Загудел далеко паровоз.
Все невзгоды улеглись с годами,
Разлетелись лепестками роз.

4

Ко мне пришла, в глаза мне заглянула,
На бледной шее красный ободок,
И говорит: «Ты память мне вернула,
Переступила через мой порог.

Оставь меня, моей души не трогай
И не касайся моего креста;
Прохожая, иди своей дорогой,
Мой мир не тот и я уже не та».

И вдруг заплакала, как плачут дети,
На шею показала мне рукой,
А утром вновь застыла на портрете,
Дохнула холодом и пустотой.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Стр.

Того же автора

Капля в море, стихи, 1950

Новолунье, стихи, 1955

Imprimerie BERESNIAK
20, rue du Faubourg-du-Temple
PARIS (11e)